
В. И. МЕТЛОВ

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО И НАУЧНОГО (к опытам создания философии науки)

Не очень долгий период относительно автономного существования специально-научного познания и философии, которым завершается стремление специальных дисциплин освободиться от философии, сменился на стыке XIX и XX столетий возвращением философии в сферу интересов ученого-специалиста. Это было вызвано вовсе не абстрактным стремлением к спекулятивному освоению завершенного в своем развитии материала; оно диктовалось кризисной ситуацией, кризисом рационализма, кризисом, оказавшим потрясающее воздействие на умы исследователей. Он выражался в утрате той или иной научной дисциплиной предмета в отсутствие ясного представления о том, чем занимается та или иная отрасль научного познания. Обращение к философии в этих условиях рассматривалось как нечто способное вернуть поколебленное чувство уверенности в возможности рационального познания реальности. Значение философии состояло в данном случае в том, что она открывала возможность поставить вопрос об обретении предмета той или иной отрасли научного познания, то есть касалась существа дела. К философии обращались в надежде обрести корректное видение того, чем, собственно, занимается та или иная отрасль научного познания¹.

Понимание этого положения вещей задает корректную историческую перспективу, в которой, как нам представляется, только и возможно решение вопроса о взаимоотношении философии и нау-

¹ Конечно, следует при этом иметь в виду, что философия тоже переживала далеко не лучшие времена: кризис не обошел и ее, причем он фактически носил тот же характер, что и кризис специально-научных отраслей знания, выражаясь в утрате предмета, в несостоятельности прежнего понимания предмета.

ки, по крайней мере в настоящее время. Эта перспектива принимает более осязаемые формы, когда мы осознаем, что движения в области взаимоотношений философского и специально-научного в самой непосредственной форме определяются характером отношений между субъектом и объектом познания, между материальным и идеальным.

Интерес к проблеме взаимоотношения философского и специально-научного стимулируется также и институционализацией проблемы в виде кандидатского минимума по курсу «История и философия науки». Новая программа кандидатского минимума для аспирантов и соискателей, заменившая экзамен по философии экзаменом по истории и философии науки, вызвала к жизни значительное количество учебников, учебных пособий и прочих материалов, призванных дать удовлетворительное решение поставленной задачи. Образовательная услуга оказывалась с большой степенью оперативности таким же примерно образом, как это имело место в связи с необходимостью создания курса «Концепции современного естествознания», также вызвавшего к жизни значительное количество работ. Надо сказать, что в этом стремительном ответе на возникшую потребность не следует непременно видеть свидетельство конъюнктурного подхода: отечественные исследования по философии, логике и методологии научного познания с достаточно давних пор пользуются заслуженным признанием как в нашей стране, так и за рубежом.

Вместе с тем некоторые моменты взаимоотношения философского и специально-научного оставались невыясненными в тот, скажем, классический период исследования названной проблематики и в этом виде выступили в современный период. Институционализация названной проблематики сделала проблемой вопрос о предмете дисциплины, обозначаемой как «История и философия науки», который редко обсуждался в прежних исследованиях, занятых философскими проблемами тех или иных отдельных отраслей научного познания.

Иногда создается впечатление, что главной задачей, стоящей в настоящее время перед философами, является задача создания новой дисциплины. Между тем не очень далекий экскурс в историю

взаимоотношения философии и специально-научного познания отчетливо свидетельствует о том, что проблемы философии в ее отношении к специальной науке оказались поставленными в видах разрешения трудностей, с которыми столкнулась в определенный период та или иная специальная наука. Физика и психология с соответствующими тезисами: «материя исчезла», «сознание испарилось» – весьма отчетливо характеризуют ситуацию: речь заходила, по существу, о предмете исследования той или иной специальной науки, и в этом случае отказ от философии в ее классической форме, характеризуемой как имеющая в качестве главного вопрос об отношении материального и идеального, или, напротив, обращение к ней казались способом спасения науки как рационального предприятия.

Интерес к философствованию по поводу науки, к проблеме взаимоотношения философии и науки не является, таким образом, праздным занятием спекулятивного мыслителя над вполне оформившимся, то есть характеризующимся ясным представлением о предмете и методе, знанием в определенной отрасли науки или в науке в целом; напротив, он возникает в условиях определенного рода растерянности, неясности в понимании самого предмета той или иной отрасли научного познания.

Это переживается иногда как кризис рационализма, в особенности когда речь заходит о кризисных ситуациях в основаниях наук, слывших цитаделью надежности. Замечательный математик Г. Вейль говорил о том, что всю свою творческую жизнь он чувствовал себя подавленным и лишенным мужества перед лицом парадоксальных ситуаций, сложившихся в основаниях физики и математики. Обращение к философии становится, таким образом, жизненно важным для той или иной науки, оказываясь в сердцевине решения вопроса о самом предмете научного познания.

Ставить вопрос об отношении философии и специальной науки вне отношения к тому предмету, познание которого, собственно, и является целью, – абстрактная постановка вопроса. Можно сказать и точнее: это постановка вопроса лишь на языковом уровне, вне забот о том, что лежит за уровнем языка. Конечно, фи-

лософия представляет собой рефлексию над наукой, но наука – это всегда предметное знание. В поле зрения рефлектирующего вольно или невольно должен попасть не только язык науки, но и тот предмет, который является предметом этой науки. В этой связи естественно полагать, что философия, представленная в этом качестве (рефлексии над наукой), оказывается вместе с тем и знанием о том же предмете, о котором идет речь в науке.

Конкретное выражение кризис приобретал в виде антиномических ситуаций, которые представляли собой столкновение положений, характеризующих аспекты некогда не порождавшего сомнений целого. Прежнее интуитивное видение предмета оказалось замененным противостоящими характеристиками. Предмет стал проблемой. «Не могло быть больше и речи о данном предмете; но также и о познании как простом (blosser) анализе данного. Напротив, как раз предмет оказывается задачей, является проблемой, уходящей в бесконечность (ist Problem ins Unendliche)», – писал П. Наторп².

В ходе исторического развития каждая из сторон антиномий, возникающих в специальных дисциплинах, оказывалась предметом той или иной дисциплины: первоначальной реакцией на упрощенный материализм физических теорий (Больцман, Лоренц) состояла в отбрасывании материализма, вообще предметности, провозглашение в качестве предмета движения без носителя (Оствальд, Бергсон).

В различных отраслях научного познания к этому времени уже сложились направления, представлявшие разорванные аспекты некогда единого предмета, но выдающие этот аспект за весь предмет: меркантилизм и теория физиократов в политической экономии, формалистический и интуиционистский подходы к основаниям математики, корпускулярная и волновая картины реальности в физике, бихевиоризм и интроспекционизм в психологии, генетические исследования, вступившие в конфликт с эволюционной теорией, лингвистика синхроническая и лингвистика диахроническая, история индивидуализирующая и история универсализирующая, меди-

² Natorp, P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. – Leipzig – Berlin, 1910. – S. 18.

цина, понимаемая как естествознание, и медицина как психоаналитическая теория (глубинная психология), словом, практически всюду сложились ситуации, где интерес к предметности оказывался противопоставленным интересу к развитию и его условиям.

Распад на направления, как видим, коснулся всех дисциплин, хотя в ряде случаев мы можем заметить и стремление к компромиссу, как это, скажем, имело место в формулировании квантово-волнового дуализма. Тем не менее опыты соединения крайностей носили случайный, методологически невыдержанный характер, а потому проблема оставалась вне адекватного осмысления. Распад доводился фактически до отделения обосновательных исследований от методологических, предметного – от исторического, пространственного – от временного.

В философии этого рода положение вещей известно со времен античности: Парменид и Гераклит представляют самым отчетливым образом противостояние субстанциального и связанного с движением. Знаменитая апория Зенона «Летящая стрела», может быть, наиболее впечатляющим образом представляет этот распад единого на неподвижное бытие и чистое движение, без носителя. В классической философии это приобретает характер распада на элементы и метод у Канта, в посткантовской традиции резюмируется в столкновении Шопенгауэра с Гегелем: отвергая возможность определения «вещи в себе» временем, Шопенгауэр настаивает на единственно значимом для него вопросе: *что вместо откуда, как, куда*. Субстанциальное противопоставляется тем самым историческому, временному.

Первое движение-реакция на кризис в основаниях специальных наук, в первую очередь в основаниях математики и физики, сводилось к поиску надежного фундамента научного познания и процедур перехода от исходного надежного уровня к обобщениям. Естественное недоверие к абстракциям, для которых не находилось эмпирического содержания, породило стремление к отождествлению надежного, обоснованного знания с эмпирическим уровнем; в особенности же трудности, привносимые в научное мышление основным вопросом философии, то есть метафизикой, приводили иссле-

дователей к мысли о необходимости искать надежный фундамент знания вне сферы значимости основного вопроса философии, к отбрасыванию именно метафизической проблематики.

Мы не будем описывать эволюцию неопозитивистского движения в связи с таким решением этой задачи, это было вполне корректно и обстоятельно рассмотрено в отечественной и зарубежной литературе; обратим лишь внимание на то обстоятельство, что проблема оказалась неразрешимой в том виде, в каком ее решение виделось представителям движения, а именно: как построение уровня знания, выведенного из сферы значимости отношений «субъектное – объектное», «материальное – идеальное», то есть нейтрального по отношению к основному вопросу метафизики уровня. Эмпирическое во всех его возможных вариациях оказалось существенно нагруженным априорным, теоретическим, и это обстоятельство представляет собой одно из важных звеньев на пути разрушения логического эмпиризма. Демарш, характерный для логического позитивизма, неопозитивизма, в сущности, был повторен концепциями, которые едва ли возможно прямолинейно связать с ним. Тем не менее от формалистической системы оснований математики Д. Гильберта до грамматиологии Ж. Деррида – один и тот же мыслительный ход, а именно – стремление отбросить отношения «субъект – объект», «материальное – идеальное», выйти к непосредственной данности: Гильберт критикует современные ему системы оснований математики, которые были существенно связаны с идеей сопоставления математики с действительностью, Деррида критикует лингвистические системы, положившие в свое основание отношение знака и вещи (фонологические системы).

Другим слабым звеном доктрины неопозитивизма оказалась проблема логического оправдания индукции. По этому пункту также существует обильная литература, но мы, как и в случае с проблемой эмпирического уровня, ограничимся замечанием следующего порядка: поставленная, естественно, в контексте логического эмпиризма как проблема *логического* оправдания, проблема индукции оказалась неразрешимой именно в этой ее постановке, в том числе и тогда, когда к ее решению привлекались довольно мощные

средства различного типа вероятностных и индуктивных логик. Доктрина неопозитивизма, логического позитивизма, оказалась разрушенной в самых своих существенных пунктах. Это был кризис юмовского этапа развития взаимоотношения между философией и наукой.

Решение ни одной из названных проблем в том духе, который намечался движением, не удалось. Не удалось построить нейтральный, выведенный за пределы отношений «субъект – объект», «материальное – идеальное» базис, потерпели неудачу опыты логического оправдания индукции, даже предпринятые с использованием мощных средств различного рода вероятностных логик; наконец, оказалась неудовлетворительной программа формалистического обоснования математики, как это показали результаты К. Гёделя. Понимание математики как системы знаков, как лишь языка в новое время восходит к Д. Юму и соответствует именно позитивистскому видению проблематики.

Ясным прежде всего оказалось следующее: объективизм, объективистское понимание предмета научного познания предстало перед исследователями – учеными и философами – как несостоятельное. Осознание необычной роли субъекта в процессе познания, которым характеризуется становление науки в начале XX столетия, привело в целом и к осознанию фундаментальной роли отношений «субъект – объект», «материальное – идеальное» в решении вопросов специально-научного знания. К. фон Вайцзеккер подчеркивает необходимость уяснения позиции квантовой теории в основном вопросе философии, прежде чем обратиться к более специальным физическим проблемам³.

Именно возникающие в этой связи трудности привели, в частности, к тому, что первой реакцией на них было стремление избавиться от предмета. Быть может, наиболее впечатляющим образом такого рода позиция представлена взглядами уже упомянутых В. Оствальда и А. Бергсона. Оствальд с концепцией энергетизма одно время был хрестоматийным примером автора, отрывавшего

³ Weizsäcker, C.-F. von. Die philosophische Interpretation der modernen Physik. – 7. Aufl. – Halle (Saale), 1981. – S. 27.

движение от движущегося⁴. Но и Бергсон совершенно недвусмысленно говорил то же самое: «Существуют изменения, но за этими изменениями нет вещей, которые изменяются: изменение не нуждается в какой-то поддержке. Существуют движения, но нет инертного объекта, неизменного, который движется: (факт) движение(я) не имплицитно движущегося тела (mobile)»⁵. Это пример мыслителей, находящихся на противоположных полюсах философской палитры, но идентичным образом реагировавших на проблематику, выдвинутую фактически еще Элейской школой.

Этот объективизм должен был завершиться логическим позитивизмом, чтобы оказалась логически корректно показанной его неудовлетворительность. Кризис объективизма сопровождался осознанием роли субъектного, субъективного фактора в качестве фактора становления изучаемой предметной реальности, в качестве фактора, обеспечивающего научную объективность.

Первые движения в уяснении роли субъективного фактора оказались существенно связанными со становлением антиномий кантовского типа в различных отраслях современного научного познания. Но антиномия – это синоним (свидетельство, признак) недоступности «вещи в себе», изучаемого предмета для субъекта, исследователя. Преодоление антиномичности, где бы она ни выступала, является вместе с тем обретением доселе недоступной вещи. Опыт этого рода, представленный классической немецкой философией, в высшей степени и самым непосредственным образом имеет отношение к проблемам взаимоотношения философии и науки: столкновения антиномии чистого разума Канта повторились в материале современного научного познания.

В общем виде реакция на кризисные состояния в науке имеет и вполне определенное историко-философское выражение: метафизика становления (А. Н. Уайтхед говорил о том, что прояснение тезиса «все вещи изменяются» – главная задача метафизики) существует наряду с метафизикой (неподвижного) бытия, аналитика сознания – наряду с аналитикой бытия. Едва ли, однако, позиция

⁴ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 286–288.

⁵ Bergson, H. *La pensée et le mouvant*. – Paris, 1934. – P. 185.

такого рода окажется комфортной, скажем, для историка общества или для биолога-эволюциониста, да и вообще в наше время для любого ученого: здесь вопрос о том, *что такое то, что* находится в движении, в процессе, скажем, проблема предмета истории, проблема вида, представляет собой вопрос о жизни и смерти их дисциплины. Впрочем, и в философии названная односторонность вместе с другой, ей противостоящей, оказывается достаточно корректно преодоленной, например, в послекантовской традиции. Р. Коллингвуд и Э. Майр дают очень хорошие примеры понимания важности корректной характеристики предметной реальности и более того – достаточно корректного решения проблемы.

С примирением с антиномичностью, с отсутствием представления о том, каким же образом выглядит в этом случае объект, мы имеем дело в принципе дополнительности Н. Бора. Нельзя не отметить кантовское содержание и кантовский характер происхождения этого принципа, с той лишь разницей по сравнению с Кантом, что Бором эта антиномичность принимается как собственное содержание науки, тогда как у Канта это граница, за которую не смеет заходить научное познание.

Луи де Бройль после долгих лет исповедывания копенгагенского символа веры осознал неудовлетворительность копенгагенской интерпретации квантовой механики, пришел к пониманию необходимости синтеза возникающих в связи с кризисом прежней физической картины крайностей: снятие для него происходит на объектном уровне. «Теория ведения (guidage) частицы волной (теория волны-пилота) позволяет понять, <...> почему вероятность присутствия частицы в какой-либо точке в определенный момент представлена квадратом амплитуды нормированной функции ψ . Но на деле теория ведения недостаточна для того, чтобы доказать строго этот хорошо установленный факт, и мои размышления об этом привели меня к мысли о необходимости введения следующей гипотезы: в дополнение к движению ведения, которое навязано частице распространением волны, частица должна также быть одушевленной произвольным (aléatoire) движением, которое имеет своим действием суперпозицию на движение ведения возмущения (agitation),

аналогичное броуновскому движению. Тогда оказываемся приведенными к мысли, что любая частица находится в постоянном контакте с неким скрытым термостатом, который непрерывно обменивается с ней энергией в форме теплоты»⁶.

В этой связи следует заметить, что традиционно рассматриваемый как прогресс в развитии метанаучных исследований переход от неопозитивистского понимания науки и ее развития к постпозитивистскому этапу представляет собой в такой же мере односторонность, что и позитивистский подход к науке. К эволюционному пониманию научной реальности перешли, как представляется, просто в порядке оппозиции логическому позитивизму, без анализа условий возможности такого эволюционного, исторического, по существу, подхода. Можно себе представить, чем мог оказаться такой подход в концепции К. Поппера с характерным для этого автора отношением к историзму. Главное, на что здесь следует обратить внимание, – это отношение к эволюционной теории в биологии: эволюционный подход к анализу знания К. Поппера связан с существенной деформацией биологической концепции эволюции, деформацией, осуществляемой под влиянием общеметодологических принципов. Принципы же эти отмечены существенным антидиалектическим пафосом, который приводит их автора к отрицанию значения обосновательного момента в развитии знания (а это представлено в биологической теории эволюции методически корректным определением вида), к отрицанию закономерности движения, развития знания – а в биологической теории эволюции ставят именно эти вопросы. Если в позитивизме главной задачей полагалась задача обеспечения надежности знания, его обоснованности (нейтральный эмпирический уровень, логическое оправдание индукции), то в постпозитивизме противоречия позитивистского подхода к научному познанию не были разрешены, в частности задача обоснования оказалась просто отброшенной. В этих условиях проявляются противоречия такого односторонне методологического, направленного на уяснение особенностей развития научного знания подхода. К. Поппер в своей работе «Объективное знание. Эво-

⁶ Broglie, L. de. *Recherches d'un demi-siècle*. – Paris, 1976. – P. 257.

люционный подход» довольно отчетливо представляет эту противоречивость. Она выражается прежде всего в том, что неудовлетворительным образом объясняет развитие, рост знания, и именно в силу пренебрежения аспектом обосновательным, предметным. Проблема развития, роста знания становится здесь проблемой языковой, оторванной от предметной реальности, что, впрочем, достаточно определенно выражено и Поппером, и Куном. Эволюционный подход к проблемам развития, роста знания у Поппера оказывается эволюционным подходом, в котором совершенно игнорируется вопрос о том, что, собственно говоря, эволюционирует, совершенно отсутствует вопрос о предмете знания.

Следует отметить, что уроки, извлекаемые из эволюционной парадигмы в биологии методологами науки, более чем скромны по сравнению с тем, что может дать современная эволюционная теория: у методологов полное непонимание того, что современная биологическая теория эволюции фактически осуществила синтез предметного и связанного со становлением, то есть решила задачу, с которой еще предстоит справиться в современной философии.

Сомнительна, между прочим, и польза, которая может быть принесена методологией науке. М. Вебер по этому поводу писал так: «Методология может быть всегда лишь осознанием средств, которые оправдались в практике, а что они явно осознаны, также мало является предпосылкой плодотворной работы, как знание анатомии – предпосылкой “правильной” ходьбы. Действительно, как тот, кто хотел бы шаг за шагом контролировать свою походку сведениями из анатомии, столкнулся бы с опасностью, точно то же самое может встретиться ученому специалисту при попытке определить цели своей работы на основе методологических соображений. Если методологическая работа – как это, естественно, и является ее намерением – в каком-либо пункте может непосредственно оказать услугу практике историка, то это возможно именно потому, что она его делает способным раз и навсегда избавиться от очарования философски украшенного дилетантизма. Только через *выявление и разрешение предметных (sachlicher) проблем обосновывались науки и развивается их метод, напротив, никогда не были решающими*

чисто теоретико-познавательные или методологические соображения» (курсив наш. – В. М.)⁷. М. Вебер, как видим, очень определенно подчеркнул связь, органическую зависимость предмета и метода. Между прочим, в тенденциях связать философию науки с философией техники просматривается именно стремление к предметности, к оставлению односторонне языкового подхода.

Разложение на фундаменталистские и методологические подходы, характерное с некоторых пор и для наших дней, завершилось достаточно поздно, когда в качестве реакции на крах позитивистских попыток построения (единого) научного знания оформилось собственно антиюмовское, прокантовское движение в метанаучных исследованиях, представленное прежде всего работой К. Поппера «*Logik der Forschung*» (1934).

Методологическое движение вкупе с фундаменталистскими подходами, представленными логическими позитивистами, лишь резюмировало в этом противопоставлении позитивизму сложившееся в науке в целом положение вещей. Оно оказалось закреплением в метанаучных исследованиях нашего времени того распада, который характерен для кантовских «Критик», а именно – распада на учение об элементах и учение о методе. Констатация этого положения вещей важна в той мере, в какой мы достаточно определенно представляем себе опыт преодоления кантовской ситуации в истории философии.

Провозглашаемый в методологии науки, в постпозитивистской традиции эволюционизм, как мы уже отметили, оказался односторонним, существенно искаженным по сравнению с тем эволюционизмом, который сложился в биологических исследованиях, существенно отставшим от его уровня. Сказанное позволяет понять, что переход от позитивистского, точнее сказать, неопозитивистского освоения темы «Философия и наука» к методологии был не преодолением позитивизма, но простым отбрасыванием его, а следовательно, подчеркнем это еще раз, методологический подход ока-

⁷ Weber, M. Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik / M. Weber // Rationalisierung und entzauberte Welt. Schriften zu Geschichte und Soziologie. – Leipzig, 1988. – S. 122–123.

зался такой же односторонностью, что и отвергаемый им логический позитивизм.

Мы можем констатировать, что во взаимоотношениях философии и специально-научного познания имеет место вполне определенная логика и что эта логика в точности воспроизводит движение в философии от Юма к Канту и, как нам кажется, дальше, к Гегелю и Марксу. Это позволяет высказать догадку, что главной задачей в случае с взаимоотношением философии и науки, так же, как и в названном периоде развития философии, является **обретение предмета**, оказавшегося фактически, как и у Канта, «вещью в себе»⁸. Понимание этого обстоятельства, а именно того, что в развитии отношений между философией и наукой имеется определенная логика и что эта логика с абсолютной точностью воспроизводит некоторые демарши классической философии, приводит к естественному соображению о методической значимости этого этапа развития классической философии в деле решения собственных проблем взаимоотношения философского и специально-научного в настоящее время. Этап философского развития от Юма к Канту и далее, таким образом, обнаруживает свой методический смысл.

Понимание этого обстоятельства пока отсутствует в целом в современной философии науки, и наиболее интенсивно обсуждаемым материалом оказываются теории развития знания Поппера, Куна, Лакатоса и т. п. Отсутствует и понимание того философского уровня, на котором находится современное метанаучное исследование. Отсутствует понимание того обстоятельства, что решение проблемы роста знания невозможно без удовлетворительного понимания того, что растет, как, впрочем, и наоборот: понимание оснований знания немыслимо без понимания того, каким образом

⁸ Общие соображения о теории науки могут представлять интерес только в том случае, если они связаны с определенного рода предметом. Можно, скажем, говорить о социальной значимости науки, о жизни науки в определенном социуме, где ее судьба самым определенным образом зависит не столько от ее создателей, сколько от политических деятелей, от финансистов, решивших дать средства для развития той или иной отрасли. И в этом случае в конечном итоге интерес к науке со стороны названной категории деятелей определяется ее предметностью, будь это исследования в области атомов, в медицине и т. д. Короче говоря, теория науки, оторванная от предмета этой науки, будет очень далекой от корректного видения реальности.

развивается знание. Между прочим, чрезвычайно важно оценить, что уровень современных метанаучных исследований – это кантовский уровень. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что в этих исследованиях оказываются отделенными друг от друга обосновательные и методологические исследования. Антиномии отдельных отраслей научного познания, в сущности, оказываются частными случаями распада на предметное, субстанциальное, с одной стороны, и относящееся к развитию или к условиям развития – с другой, короче, на обосновательные и методологические.

Установление идейной общности между состоянием исследований в области отношений между философией и специально-научным познанием и этапом развития классической философии от Юма к Канту и далее должно быть доведено до понимания общности условий возникновения соответствующих положений: это оказывается существенно связанным с изменением понимания положения субъекта в процессе познания в обоих случаях, а именно – пониманием существенной роли активности субъекта в становлении изучаемого предмета как в философии, так и в отдельных отраслях современного научного познания.

Здесь мы можем констатировать, что по крайней мере в хронологически ближайший к нам период движение метанаучного исследования науки с абсолютной точностью повторило демарши определенного этапа развития классической философии. Послекантовская классическая философская традиция в Германии была отмечена тенденцией к преодолению агностицизма, интересом к проблеме познания предметной реальности, к обретению «вещи в себе». Эта задача стоит сегодня и перед тем, что называется философией науки, точнее, полем взаимоотношения философии и науки. А. Н. Уайтхед подчеркивал, что перед наукой и философией стоят одни и те же задачи⁹. Мы можем пойти дальше: нет таких задач философии, которые не могли бы стать задачами науки, если, конечно, не становиться в позу и не определять науку как то, что, по определению, не мыслит (М. Хайдеггер), или, лучше сказать, не

⁹ Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 540.

ограничивать науку ее частью, где отсутствует то, что может быть названо мышлением.

Задачи науки и философии, казавшиеся прежде совершенно различными даже в глазах тех, кто с симпатией относился к философствованию в области научного познания, теперь, на этом вполне определенном этапе, оказываются вдруг совершенно идентичными – задачами адекватного постижения предметной реальности, хотя движение к их разрешению осуществляется в различных направлениях.

В антиномиях современного научного познания, в распаде метанаучных исследований на обосновательные и методологические невозможно увидеть что-либо, отличающее их от того, что мы имеем у Канта, а именно – его столкновения антиномии чистого разума, выделение трансцендентального учения об элементах и трансцендентального учения о методе.

Опыт разрешения антиномий Канта, опыт преодоления разрыва между учением об элементах и учением о методе указывает нам путь разрешения соответствующих конфликтов в современных метанаучных исследованиях. Но, подчеркнем еще раз, к этому подвигает нас и то обстоятельство, что в фундаменталистских доктринах не нашла своего разрешения именно проблема оснований (обоснования), а в методологических доктринах нас не может удовлетворить решение проблемы развития знания.

Опыты разрешения антиномичности, опыты преодоления разрыва между предметностью (субстанциальностью) и движением, встреченных в тех или иных отраслях научного познания, при всем различии материала не отличались большим разнообразием: в науках об обществе это было, как правило, использование субъектного фактора, активности субъекта, практики, понимаемой в самом широком значении этого слова. Так снималась антитеза меркантилизма и теории физиократов в трудовой теории стоимости А. Смита, таким же образом разрешалась антиномия исторического развития (*Geschichte*) и исторического познания (*Historic*) К. Марксом, выработавшим понятие общественно-экономической формации. Непосредственно после Канта это движение в направлении расширения сферы активности субъекта и преодоление на этой основе кантов-

ского распада предметного и методического было представлено наукоучением Фихте.

Разумеется, не имеет смысла говорить об активности субъекта в связи с процессами, происходящими в природе, но здесь мы фактически имеем дело с положением вещей, аналогичным тому, с которым встречаемся в общественной жизни, а именно – с существованием квазителеологического, телеономического момента, который вне социальной сферы играет ту же роль, что и фактор активности субъекта в общественной жизни. Именно с этого рода фактором мы имеем дело в биологии, о чем нам уже приходилось писать. Именно на такой основе формируется современное понимание вида, основной единицы эволюции: здесь снимается антитеза линнеевской позиции, представленной положением о неизменности видов, и позиции дарвиновской, связанной с признанием существования эволюции и отличающейся вместе с тем неясностью в понимании того, что такое то, что эволюционирует, что такое вид. Р. Левонтин говорит об этом как о снятии антитезы тождества (менделеевская парадигма) и различия (дарвиновская парадигма), которое оказывается единственно возможным при условии понимания тождества как содержащего различие и различия – как органически связанного с тождеством, то есть при диалектическом понимании названных категорий¹⁰.

Особо следует сказать о понимании метода. Приведенные выше соображения М. Вебера подчеркивают органическую связь предмета и метода. Преодоление односторонностей кантовского типа – это, в частности, преодоление кантовского понимания метода как совокупности формальных условий полной системы чистого разума в фихтевско-гегелевском понимании, как осознания формы самодвижения содержания¹¹. Заметим, что уже наукоучение Фихте преодолевает разлученность элементов и метода, свойственную Канту, преодолевая тем самым формализм кантовского метода.

¹⁰ Левонтин, Р. Генетические основы эволюции. – М., 1978. – С. 18.

¹¹ Кант: «...под трансцендентальным учением о методе я разумею определение *формальных* условий полной системы чистого разума» (Кант, И. Критика чистого разума. – Пг., 1915. – С. 397); Гегель: «...метод есть осознание формы внутреннего самодвижения ее *содержания*» (Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. – М., 1970. – Т. 1. – С. 107).

Между прочим, в ходе оказания образовательных услуг в настоящее время недостаточное внимание уделяется тому обстоятельству, что новый курс для аспирантов и соискателей включает в свое название термин «история». Вопрос об истории науки, как представляется, фактически не возникает. Появившиеся учебники и учебные пособия ставят своей задачей написание именно философии науки, не уделяя достаточного внимания отношению философии и истории. Между тем выяснение его – это выяснение очень нетривиальной проблемы, которое помимо прочего (а в первую очередь это выяснение вопроса «как писать историю») только и делает возможным корректное решение проблемы соотношения философского и исторического. Однако исторический, временной, эволюционный аспект исследования важен не сам по себе, но как существенный параметр адекватной характеристики исследуемого предмета. Наконец, существенным здесь оказывается вопрос о соотношении истории науки и философии. Очень естественным представляется соображение, что философское становится собственным содержанием развивающегося знания, представляя таким образом единую науку, науку истории.

«Развитие науки ведет к науке о времени»¹², – подчеркивает крупный немецкий физик, философ и историк науки К. фон Вайцеккер.

«Природа имеет историю, и на протяжении долгого времени естествознание считало своим идеалом точные науки. Этот идеал получил триумфальное воплощение в общей теории относительности Эйнштейна – несомненно, величайшем достижении Человеческого разума. Но формульно-расчетный подход не может привести к познанию Природы. В настоящее время мы видим, что основную роль стали играть описательные науки. Мы пришли к другой концепции научного познания Природы, в которой существенное место отведено “Стреле времени”...

Время, или лучше направление времени, – фундаментальное экзистенциальное измерение Человеческой жизни. Мы обнаружили ныне, что течение времени универсально. Время более не отделяет Человека от Природы».¹³

¹² Weizsäcker, C.-F. von. Die philosophische Interpretation der modernen Physik. – S. 7.

¹³ Пригожин, И., Кондепуди, Д. Современная термодинамика. От тепловых двигателей до диссипативных структур. – М.: Мир, 2002. – С. 441.

Важно при этом показать и другое, а именно: интерес к аутентичной истории и интерес к диалектике являются феноменами одного порядка: они вызваны к жизни пониманием необычного положения субъекта в процессе познания по сравнению с тем, что имело место на предшествующем этапе. И теоретически, и педагогически названная проблема оказывается достаточно трудной для решения в современных условиях: разрешение этой проблемы – это фактически разрешение возникающих в основаниях различного рода специальных дисциплин антиномий, наконец, это преодоление разрыва между интересом к предмету и интересом к развитию. Пока же мы видим фактически фрагментарное изложение философии науки, в котором практически нет истории специальных наук. В связке «История и философия науки» изложение собственно истории науки и по объему, и по качеству явно уступает изложению собственно философии науки.

Между тем становление философии науки, анализ условий этого процесса довольно отчетливо показывают, что историческая точка зрения в науке (даже в ее явно неудовлетворительной форме, представленной постпозитивистской методологией научного познания) естественным образом вырастает из критики объективизма, реабилитации субъекта, его активности как фактора порождения изучаемого объекта. Этот последний видится теперь не данным от века, но возникающим в процессе, в деятельности, чем естественно задается эволюционная, историческая, временная размерность. Философское содержание – а оно представлено отношением субъекта и объекта, материального и идеального – оказывается теперь собственным моментом исторического видения предметной реальности. Историческое не просто, так сказать, добавляется к уже готовому, сложившемуся предмету, но дополняет наше представление о предмете, которое не могло быть полным, законченным вне этого аспекта. Философия становится в этом случае философией в науке, а не философией науки. Это позволяет теперь говорить о философе не как об интеллектуальном евнухе, присутствующем при интеллектуальных радостях ученых специалистов, но как об активном участнике познавательного процесса, существенно определяющем содержание исследуемой реальности.

Это *снятие* философского в историческом движении научного материала представляется на первый взгляд находящимся в общем русле современного процесса пренебрежения философской, метафизической, как стали чаще говорить, проблематикой, борьбы с метафизикой как доктриной, имеющей в качестве основного содержания именно отношение субъекта и объекта, материального и идеального. Но борьба с метафизикой может выглядеть различным образом: может иметь место простое отбрасывание метафизики, философии, и с этим мы сталкиваемся как в различного рода позитивистских доктринах, так и в противостоящих им доктринах феноменолого-герменевтических. Возможно, однако, – и это представляется единственно корректным решением вопроса – снятие философского в историческом представлении научного познания. Этот процесс оказывается в исторически определенной ситуации преодолением односторонностей как позитивистского подхода, сосредоточенного, в частности, на проблеме характеристики надежного основания, эмпирического базиса, так и подхода постпозитивистского, для которого проблемой оказывается рост знания. Преодоление этих односторонностей является, по существу, преодолением рассматриваемого выше кантовского разлучения элементов и метода, становлением того видения отношения предметности и метода, которое найдет свое выражение в формуле Гегеля, а именно: метод есть осознание формы движения содержания¹⁴. Послекантовская классическая философская традиция, начавшаяся с Фихте, оказывается наиболее значимой для современного научного познания именно в силу своей способности соединить крайности, осуществить снятие, синтез. Заметим, что у двух выдающихся критиков Канта И. Фихте и Б. Больцано, собственно, критика философии Канта, преодоление Канта и возведение на этой основе собственной конструкции представлены как наукоучение (*Wissenschaftslehre*).

Обращение к истории науки – это, таким образом, не дань становлению Госкомитета по образованию, изменившему про-

¹⁴ Но распад на элементы и метод – это лишь общая форма, в которой находит свое выражение антиномичность предмета различных специально-научных дисциплин.

грамму подготовки кандидатского минимума. Аутентичного понимания предмета нет, если не введен временной параметр, параметр собственно исторический. Эволюция философии науки, лучше сказать, эволюция отношений философии и науки, имеет своим итогом, венчается пониманием предмета той или иной отрасли научного знания или предмета науки вообще как предмета исторического, включенного во временной поток. Это последнее оказывается единственно возможным при условии диалектического понимания предмета, то есть понимания его как чего-то, отличного от самого себя, содержащего, таким образом, внутренний принцип различия, а следовательно, в соответствии с тезисом Г. В. Лейбница, как определяющего время, а не определяемого временем¹⁵. Излишне, нам представляется, после сказанного добавлять, что аутентичная история науки, как и история вообще, возможна единственно как диалектика.

Одно замечание, касающееся роли специальных наук в развитии философского знания. Мы имели возможность сказать, что, например, использование биологической теории эволюции в качестве парадигмы построения теории роста научного знания К. Поппером было существенно связано с деформацией биологической теории. Это вовсе не означает ее бесплодности в данном процессе. Корректное использование названного специально-научного материала позволяет, напротив, показать философии общий путь решения проблем, связанных с антиномиями, с распадом обосновательных и методологических исследований. Именно здесь оказалась удовлетворительно разрешенной антиномия механического и телеологического, существенная проблема, которая до сих пор представляет затруднения для современной философии. Здесь вовсе не следует искать сциентистской ориентации: речь идет об использовании того философского, что содержится в специально-научном

¹⁵ «Философия – только один из конституирующих элементов истории» – так представлял себе положение вещей Б. Кроче, говоря о соотношении истории (социальной) и философии. Нам представляется, было бы корректнее сказать, что аутентичное историческое может быть только диалектическим, то есть что фактически философское оказывается совпадающим с историческим. А. Шопенгауэр оказался прав в том отношении, что «вещь в себе» не определяется временем. Напротив, время определяется «вещью в себе», но в этом случае «вещь в себе» предстает как содержащая в себе различие.

материале. Едва ли кому-нибудь придет в голову упрекнуть И. Канта в позитивизме или хотя бы в сциентизме, когда он говорит в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума»: «Вся задача этой критики чистого разума состоит в попытке изменить прежний метод метафизики, именно совершить в ней полный переворот, следуя примеру геометрии и естествознания»¹⁶. Имея в виду кризис современной философии, очень полезно было обратиться к опыту тех отраслей современного научного познания, где оказались решенными в специально-научном материале проблемы, непосильные пока для философии, где они представлены в общем виде.

Заметим, кстати, что вопрос о взаимоотношении философии и науки – это вопрос и о судьбе философии, и о научном познании в самом широком значении этого слова. Он именно таким образом вставал перед Фихте (наукоучение) и Гегелем (наука логики). Именно поэтому следует обратить внимание на весь спектр проблем взаимоотношения философии и специально-научного знания, не сосредоточиваясь на задаче создания новой дисциплины «Философия науки».

Конечно, при этом следует иметь в виду, что занимающийся философскими вопросами науки философ должен профессионально знать определенную отрасль специально-научного познания, и это уже вопрос, относящийся к кадровому обеспечению курса.

Философ должен владеть определенного рода специальной наукой – естественной или социально-гуманитарной – профессионально. Вместе с тем он не должен испытывать комплекса неполноценности перед лицом ученого. Философ – полноправный участник познавательного процесса. Следует, разумеется, знать, когда его участие в этом процессе носит конструктивный характер. К. фон Вайцзеккер сказал об этом очень емко и точно: «Нефилософствование является условием успеха в нормальной науке, философствование является условием успеха в научной революции»¹⁷.

¹⁶ Кант, И. Указ. соч. – С. 15.

¹⁷ Weizsäcker, C.-F. von. Zeit und Wissen. – Hanser, 1992. – S. 365.

М. Хайдеггер писал: «...наука <...> не мыслит и не может мыслить – и это к ее счастью, то есть к упрочению ее собственной жестко определенной поступи»¹⁸. Не вдаваясь в детали вопроса о том, что такое мышление, мы можем обратить внимание на один бесспорно относящийся к мышлению способ действия в науке, а именно – на процесс формулирования и снятия (синтеза) антиномических предложений. Это оказывается доступным науке, более того, в ряде случаев она осуществляет это с большим успехом, чем это удастся философии. Достаточно сопоставить в этом отношении опыт преодоления антитезы механизма и телеологизма в биологии, осуществленный, в частности, Ф. Жакобом, и, скажем, подход П. Рикёра, занимающегося аналогичной проблемой в истории общества, чтобы увидеть преимущества биолога перед философом. Впрочем, это не должно представляться чем-то экстраординарным: И. Кант обращается к современному ему научному познанию, нашедшему наиболее совершенное для того этапа общественного развития выражение в механике И. Ньютона, в поисках средства преодоления занимавшего его кризиса современной ему философии. Современные эволюционные подходы в эпистемологии, философской дисциплине, обращаются к дарвиновской и постдарвиновским парадигмам, то есть к определенным отраслям специально-научного познания, в поисках методов решения стоящих философских проблем.

Современная наука может многому научить философа, философию, и это понимали и понимают самые выдающиеся из философов наших дней. К. Ясперс подчеркивал, что профессиональное овладение той или иной отраслью науки является непременным условием формирования философа. Едва ли кому-либо придет в голову обозвать Канта или Ясперса сциентистами¹⁹. Впрочем, важно иметь в виду одно обстоятельство: в науке философ обнаруживает определенный уровень существования философского содер-

¹⁸ Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? – М., 2006. – С. 39.

¹⁹ Не обстоит ли дело таким образом, что наука только и сообщает в современных условиях предмет для философии, с которым эта последняя и должна иметь дело, а иначе философия оказывается философствованием, не мышлением, чем-то вроде «priss-a-bed philosophy» (по аналогии с «priss-a-bed poetry», выражением, употребленным Дж. Байроном, – в высшей степени несправедливо! – по отношению к Дж. Китсу).

жания, и только с этим содержанием он вправе заниматься, обращаясь к науке.

Важно помимо сказанного иметь в виду, что нет никаких оснований принимать в качестве единственного образ науки, который имеет в виду Хайдеггер. Представление о науке эволюционирует, и можно сказать, что едва ли возможно указать какой-либо способ философствования, какие-либо категории, которые не смогли бы стать содержанием науки. Но, разумеется, речь пойдет уже не о науке Платона – Аристотеля и даже не о науке Ньютона, но о науке, которая существенно вобрала в свое содержание, в характеристику своего предмета то, что связано с деятельностью субъекта, с материальной практикой общественного человека, и в силу этого стала в конечном итоге эволюционной наукой.

Естественно, в такого рода понимании науки существенным аспектом ее содержания оказывается то, что исторически сложилось как сфера философии, фактически представляет собой область философского. В этом случае мы имеем дело уже не с философией науки, но с философией в науке. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Мы знаем одну-единственную науку, науку истории»²⁰. Их соотечественник, наш современник К. фон Вайцеккер утверждает нечто совершенно идентичное²¹. В истории как науке в самом широком смысле снимается, таким образом, антитеза специально-научного и философского. Важно вместе с тем подчеркнуть, что новый тип построения научного знания, который возникает в ходе усилий снять противопоставление субстанциального момента и момента, связанного с движением в широком значении этого слова – эволюцией, необходимо ведет к становлению науки нового облика. Этого рода тип науки реализован в «Капитале» К. Маркса, но этот тип науки реализовался также в современной эволюционно-генетической теории в биологии.

Мы не можем не обратить внимания на то обстоятельство, что наука не просто нужна философии в качестве средства для тренинга в рациональном мышлении, как об этом говорит К. Яс-

²⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Избр. произведения: в 3 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 5.

²¹ Weizsäcker, C.-F. von. Die philosophische Interpretation der modernen Physik. – S. 7.

перс, в качестве материала для философствования. Г. В. Ф. Гегель заметил: рассудок и без разума нечто, разум без рассудка – ничто. В современной науке мы находим такие решения вопросов, до которых еще не дошла современная философия. Наука мыслит в той мере, в какой она, разрешая противоречие, приходит к корректному пониманию своего предмета. *Это корректное понимание предмета представляется историческим пониманием, но аутентичное понимание историчности необходимо оказывается диалектическим.* Пригожин не ошибался, когда в одном из интервью сказал: «Кончилось время науки Галилея, Ньютона, Канта, начинается время науки Гегеля, Дарвина и особенно Маркса»²².

Верно, что в науке кончилось названное Пригожиным время, но в философии науки это время еще продолжается. Философия науки заканчивается как философское предприятие, имеющее в качестве парадигмы кантовский образ мышления, теоретизирования. Необходим переход к посткантовской парадигме. Это объективная необходимость, перед которой стоит в настоящее время метанаучное познание, теоретизирование над специально-научным познанием. Но это будет уже философия в науке, и здесь вступают в силу уже экстранаучные соображения.

²² Revolution. – 1988. – № 459. – 16–22 decembre. – P. 24.